

Константин Богданов

Негры в СССР.

Этнография мнимой диаспоры

Негры, они все черные.

Яков Ильин «Большой конвейер» (1932)

Начиная с первых лет существования советской власти ее идеологи подчеркивали интернациональный характер советского общества. В средствах массовой пропаганды Советское государство и создаваемое им будущее — вплоть до крушения этого будущего в конце 1980-х гг. — неизменно рисовалось как свободное от этнической розни и открытое к этническому смешению. Даже политические репрессии конца 1930-х — середины 1940-х гг., направленные на подавление и ущемление целого ряда народностей, проживающих на территории СССР (депортации корейцев, финнов-ингерманландцев, немцев, крымских татар, курдов, турок-месхетинцев, карачаевцев, калмыков, балкарцев, чеченцев, ингушей, разгул антисемитизма периода борьбы с «космополитизмом»), прикрывались риторикой политического, а не этнического целесообразия: упредительными мерами против возможного содействия военному противнику (в случае корейцев, финнов, немцев, турок-месхетинцев), наказанием за предательство (в случае крымских татар и кавказцев), раскрытием враждебного антигосударственного заговора (в случае евреев).

Константин Анатольевич Богданов

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
konstantin.a.bogdanov@gmail.com

Во всех этих случаях пропагандистский тезис о «дружбе народов» под сомнение не ставился: наказывались классовые и политические враги, нашедшие своих пособников в лице тех или иных этнических групп, но не сами этносы [Полян 2005].

На фоне настойчиво декларируемого пролетарского интернационализма представление о других этносах было предсказуемым: надлежащее отношение к представителям разных национальностей предопределяется их ролью в классовой и геополитической борьбе, а не этническими отличиями как таковыми [Шитов 1974; Ким 1975; Матюшкин 1975; Басманов 1978; Бромлей 1978; Шерстобитов 1982] (ср.: [Soviet Nationality Policies 1990]). В этом — общем и главном — отношении советская идеология была не только последовательна, но и тенденциозна: в тех случаях, когда этнические и расовые отличия рисовались ею как маркер социальной и политической сегрегации, ее жертвы обретали все шансы найти сочувственную встречу со стороны советской пропаганды.

Таким прежде всего предстает контекст представлений, связываемых в советской идеологической культуре с чернокожим населением планеты. Восприятие негров в истории СССР обнаруживает при этом как исторические, так и социально-психологические особенности, не безразличные для понимания тех механизмов риторического убеждения, которые были свойственны советской пропаганде в целом, когда она обращалась к проблемам интернационализма. А прояснение такого понимания кажется тем поучительнее, поскольку речь в данном случае идет о восприятии таких народов и народностей, которые имели лишь воображаемое отношение к этнографическому пространству СССР.

Малочисленная группа темнокожих жителей с условно негроидными (эфиопскими) чертами лица, проживающая на территории Абхазии, положения дел при этом не меняла. Происхождение «абхазских негров» связывается с Африкой, а их появление в Абхазии гипотетически объясняется импортом рабов в Османскую империю в XVII в., но их «информационное» присутствие в русской и советской культуре фактически незаметно. Уже в XIX в. «абхазские негры» ассимилировались и метисировались с местным населением и не воспринимались в качестве отдельной диаспоры. Подавляющее большинство населения Кавказа, не говоря уже о стране, о них попросту не знало [Пачулия 1968: 58] (см. также: [Шагинян 1932: 298; Смирнов 2002: 542])¹.

¹ Тема абхазских негров сделалась популярной после появления рассказа Фазиля Искандера «Абхазские негры» в 1989 г.

Можно утверждать поэтому, что и при вышеприведенной оговорке негры, какими он предстают в советской пропаганде, — это образ, условно говоря, идеологически представимой, но мнимой диаспоры, оттеняющей собой этнографическое разнообразие советской действительности.

В дореволюционной традиции русской культуры репрезентация чернокожих предполагала преимущественный упор на экзотику. Арапы и арапки в домах московской и петербургской знати XVIII и XIX вв. — дань европейской моде того же времени на заморские диковины. Русская культура обязана этой моде появлению в ней А.С. Пушкина, чернокожие предки которого оказались парадоксальным образом связанными с самой русской культурой. «Первый русский поэт» нередко называл себя сам и именовался современниками потомком «негра» (позднее Марина Цветаева напишет со свойственной ей ультимативностью: «Пушкин был негр <...> русский поэт — негр»)¹. И хотя обоснованность этого обстоятельства с историко-биографической точки зрения дискуссионна², в данном случае важнее не действительное положение дел, а мифологическая репутация, наделившая Пушкина негритянскими чертами и африканским происхождением [Under the Sky 2006] (см. также: [Лоунсбери 1999: 229–251]). Так при отсутствии негритянского населения на территории России русская культура обрела в Пушкине поэта, приблизившего к ней Африку.

Другой особенностью обращения к негритянской теме в русской культуре XIX в. стал ее полемичный и протестный подтекст, сопутствующий, с одной стороны, пропаганде руссоизма и человеческого равенства, а с другой — соотносящий тему работорговли и образы чернокожих невольников с отечественным крепостничеством [Blakely 1986; Kolchin 1987; Peterson 2000]. Таково, например, обсуждение различия людей в цвете кожи в изданной Н.М. Максимовичем-Амбодиком в 1787 г. на русском языке «Физиологии» Вальмона де Бомара. Просвещенный автор (а вместе с ним, как можно думать, и его русский

¹ «А я повеса вечно праздный / Потомок негров безобразный» (1820). «Родословная моей матери еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька» [Пушкин 1949: 311]. В письме Вяземскому из Одессы (июнь 1824 г.): «Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братии негров» [Пушкин о литературе 1937: 49]. О родном брате Пушкина Льве Сергеевиче А.И. Дельвиг писал: «Его наружность представляла негра, окрашенного белой краской» [Полвека русской жизни 1930: 73].

² Согласно немецкой биографии Ганнибала, составленной его зятем Роткирхом, предки поэта были «абиссинцами» — родом с севера современной Эфиопии (будучи, таким образом, семито-хамитского происхождения — эфиопскими евреями, или амхара [Вегнер 1995: 109–241; Лурье 2012]). Иначе полагает бенинский славист Дьедонн Гнамманку, доказывающий (в развитие гипотезы В. Набокова), что Ганнибал происходил из народа котока, населявшего султанат Логон — на территории, пограничной с современными Камеруном и Чадом [Гнамманку 1999]. См. также: [Букалов 2006].

издатель) опровергал в ней мнение тех, кто видел в черноте негров последствие проклятий Хама и Каина: «Черных людей произвел климат и солнце, под коими Ноевы потомки пришли поселиться» [Вальмонт де Бомар 1787: 13]¹. А вольнолюбиво настроенный Василий Попугаев восклицал в сочинении, опубликованном в Периодическом издании Вольного общества в 1804 г., а затем в 1807 г. в сборнике «Талия»: «Негр не может принадлежать белому ни по каким правам», — прозрачно намекая читателю, что те же слова могут быть отнесены и к крепостным рабам [Сборник материалов 1952: 102].

Изъятая при аресте в 1827 г. рукопись крепостного грамотея Андрея Лоцманова, замышлявшего создание тайного антикрепостнического общества (и заключенного по личному распоряжению Николая I в Бобруйскую крепость), была озаглавлена «Негр, или возвращенная свобода». Главный герой этого неоконченного повествования — юноша-негр — клеймил рабовладельцев и равнодушных к страданиям чернокожих невольников, кто своим «бесчеловечьем» посрамляет религию и человеческое равенство [Байтин, Пугачев 1960: 76–91]. Позднее, по ходу Гражданской войны между северными штатами Америки и рабовладельческим Югом (1861–1865), те же параллели станут публицистически актуальными на фоне освободительной реформы Александра II. В 1857 г. после официального объявления о намерении провести крестьянскую реформу на страницах журнала Н.М. Каткова «Русский вестник» начинается публикация антирабовладельческого романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852). На следующий год Н.И. Некрасов опубликовал его отдельной книгой как приложение к журналу «Современник». Хлопоча об этом издании и стараясь обойти возможные цензурные рогатки, Некрасов пояснял свое намерение в письме И.С. Тургеневу: «Вопрос этот у нас теперь в сильном ходу относительно наших домашних негров» [Некрасов 1967: 245].

В последующие годы роман Бичер-Стоу выходил еще несколькими изданиями, став одной из хрестоматийных книг для

¹ Широко распространенное объяснение рабской участи и самой черноты негров «богословски» опиралось на библейские предания о проклятии Хама и его потомков: «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт. 9:20–27); «Ибо вот, Господь проклянет землю сильной жарой, и бесплодность ее будет продолжаться вовеки; и чернота постигла всех детей Ханаанских, и они были ненавидимы среди всех народов» (Моисей 7:8).

детского чтения в дореволюционной России¹. Проявление расизма, даже если оно облекается в научную форму, неизменно расценивается в русской литературной критике и публицистике второй половины XIX в. как проявление дурного тона и недомыслия. Так, в 1867 г. в рецензии на изданный годом ранее «Учебник всеобщей географии» Александра Пуликовского педагог и цензор Московского цензурного комитета Николай Алексеевич Трескин упрекал ее автора в уничижительной характеристике «негрской расы»:

Никто не отвергнет, что негрская раса стоит вообще на низкой степени умственного развития, никто не отвергнет и того, что негры издревле являлись на обширной сцене человеческого взаимодействия, как рабы. <...> Но <...> надо было выяснить, что негрская раса носит в себе тот же зародыш саморазвития, как и весь род человеческий, которого она составляет лишь одно из видоизменений; и что безотрадное положение негров происходит от внешних причин <...>, а не от внутренних [Трескин 1867: 839]².

Сочувственные высказывания о «негрской расе» в этом случае интересны не только тем, что они прочитывались с оглядкой на историю отечественного крепостничества и следовали давней для русской литературы традиции антикрепостнических изображений черных невольников, но и тем, что они так или иначе проблематизировали представления о том, что впоследствии будет называться расовым детерминизмом. Даже если прошлое и настоящее «негрской расы» представляется мало отрадным, ничто не мешает думать, что оно изменится к лучшему при изменении «внешних причин». Множившиеся записки русских путешественников по Африке выражали в целом такое же убеждение [Ковалевский 1849; Юнкер 1879; Елисеев 1903; Аверинцев 1912; Троицкий 1915; Забродская 1955; Райт 1958; Вальская 1969; Matusevich 2007]. Уже то, что Россия не имела собственных колоний в Африке, делало ее в глазах широкой публики континентом, вызывавшим в большей степени исследовательское и сочувственное любопытство, а не свой-

¹ Содержательный обзор рецепции романа Г. Бичер-Стоу в России и СССР: [Маскау 2013; Иголкина 2010: 57–59]. Снятый по мотивам романа американский короткометражный художественный фильм Отиса Тернера «Хижина дяди Тома» (1913) шел и в России — не только в Петербурге и Москве, но и в провинции: например, в феврале 1917 г. его показывали в Саратове в здании Народной аудитории <<http://www.sarrest.ru/tourism/arx/pa032.html>>.

² Пассаж, вызвавший критику рецензента: «Негр труслив. <...> Он способен быть жестоким деспотом, где чувствует свою силу, при других же обстоятельствах делается рабом. <...> Больше всех народов земного шара негры любят пляски и всякого рода металлические и стеклянные побрякушки. Умственными способностями они, по-видимому, одарены менее, чем все народы, за исключением новозеландцев. <...> Грубость негров и страсть к блескам и пьянству доводит их до того, что часто отец продает детей и старшие братья — меньших» [Пуликовский 1866: 157–159].

ственное для колониального дискурса репрессивное или патерналистское внимание [Curtin 1965; Lorimer 1978; Lively 1998].

В ряду литературных примеров, подсказывавших читательской аудитории правила надлежащего отношения к неграм, характерна позиция К.М. Станюковича, убежденного демократа и критика режима (отплатившего писателю годом тюрьмы, тремя годами ссылки и цензурными запретами). В повести К.М. Станюковича «Вокруг света на “Коршуне”» (1895), вошедшей в его впечатления о службе во флоте и морских путешествиях 1860–1863 гг., зарисовки отношения российских матросов к чернокожим африканцам предлагали читателю отчасти юмористические, но в целом поощрительные примеры взаимного дружелюбия:

Хотя вид этих черных, полуголых, а то и почти голых «арапов», как называли негров матросы, и возбуждал некоторые сомнения в том, что они созданы по подобию божию и вполне принадлежат к человеческой расе (были даже смелые попытки со стороны матроса Ковшикова, не без присущей ему отваги, приравнять негров не то к обезьянам, не то, прости господи, к бесхвостым чертям), тем не менее отношение к ним матросов было самое дружелюбное и в некоторых случаях даже трогательное, свидетельствующее о терпимости и даже братском отношении простого русского человека ко всем людям, хотя бы они были «арапы» да еще сомнительного людского происхождения. <...> А одного негра, необыкновенно симпатичного юношу, лет 17, который приехал в лохмотьях на корвет, <...> матросы просто пригрели своим расположением. <...> Матросы в первый же день нарядили его в полный матросский костюм. <...> Он смеялся и прыгал, и добрые его глаза светились глубочайшей благодарностью.

— *Что, небось, рад, черномазый? — смеялись, глядя на него, матросы* [Станюкович 1953: 116].

В описании Станюковича вменяемое русским матросам отношение к неграм не знает «ни малейшей расовой заносчивости, ни проблеска религиозной нетерпимости», а обсуждение темы работорговли служит все еще злободневным напоминанием о российском прошлом и настоящем. История черных африканских невольников и отечественных крепостных схожа уже теми «сценами жестокости», «какие бывали в рабовладельческих штатах или в русских помещичьих усадьбах» [Станюкович 1953: 160].

Более того, «народные негритянские песни», которые поют чернокожие жители островов Зеленого Мыса, оказываются удивительно похожи на «русские заунывные песни».

Это было что-то монотонное, необыкновенно грустное и хватающее за душу. <...> В этой заунывной песне лились тихие жалобы и слышалась глубокая, полная покорности печаль. <...> Чем-то знакомым, родным повеяло от этой песни на русских моряков [Станюкович 1953: 119].

Русским матросам эти песни нравятся, а присутствующему здесь же неприятному португальцу — нет, он недоумевает, как может нравиться «обыкновенное дурацкое нытье: жалобы на белых, сожаление о братьях-невольниках и вообще в этом роде» [Станюкович 1953: 120]. В быту свободные чернокожие тоже, как выясняется, не столь неопрытны и недомовиты, как это утверждают расисты, а внутреннее убранство их жилищ вполне напоминает жилье русских крестьян, с той лишь разницей, что последние могли бы позавидовать первым.

В сравнении негров и русских крестьян Станюкович был не одинок. По мнению дореволюционных публицистов, отмена рабства и крепостничества не улучшила жалкое существование бывших черных рабов и белых крепостных [Kolchin 1987].

Позднее применительно к образованию тех и других это сравнение повторит В.И. Ленин в работе «К вопросу о политике министерства народного просвещения» (1913) — и тоже не в пользу русских:

Американские негры все же более чем вдвое лучше поставлены в отношении «народного просвещения», чем русские крестьяне. Американские негры, как ни придавлены они к стыду американской республики, все же счастливее русских крестьян.

«Серьезность» тематики, наставительно связываемой с рабским прошлым американских негров и незавидной участью чернокожих африканцев, не отменяет ее развлекательности. Для просветителей образ негра соотносился с «детством человечества». Добрые дикари противостояли цивилизационной испорченности и распущенности, олицетворяли незамутненность природных страстей, искренность чувств и открытость мысли. Робинзон, наставляющий Пятницу в основах христианства и отвращающий его от людоедства, учился вместе с тем и сам — и учил читателя — торжеству проповедуемых им добродетелей, наилучшим воплощением которых служил тот же Пятница.

В конце XIX — начале XX в. интерес к неграм, как и раньше, подпитывается спросом на экзотику и пафосом человеколюбивого морализаторства, распространяемым отныне не только на сферу философской дидактики, но также на литературу и искусство. Начиная с романтизма «негритянские» мотивы разнообразят литературные тексты и визуальную образность евро-

пейского модерна. В английской литературе классическими образцами такого рода стали романы Генри Райдера Хаггарда («Копи царя Соломона», 1885; «Нада Лилия», 1892; «Мари», 1912; «Дитя бури», 1913; «Конченые», 1916; «Дитя из слоновой кости», 1916), Джозефа Конрада («Негр с “Нарцисса”», 1897; «Сердце тьмы», 1907) и «колониальная поэзия» Редьярда Киплинга, во французской — публицистические и художественные произведения Поля Винье д’Октона («Черный стул», 1889; «Земля фетишей», 1890; «Земля смерти: Судан и Дагомея», 1892), Мориса Дюбара («Цветок Африки», 1894), Поля Боннетена («В буше», 1895), Пьера Лоти («Роман одного спаги», 1881) и писательского дуэта Мариуса-Ари Леблона (Жоржа Атена и Эме Мерло, романы «Зезер», 1903; «Вади», 1907; «Во Франции», 1909) [Lebel 1925; Dykes 1942; Hoffman 1973; Fanoudh-Siefer 1980] (см. также: [The Image 1989; The Image 2012]).

Русская культура, хотя и в несопоставимо меньшей мере, чем европейская, отдает дань той же моде. Это «африканские» стихотворения Николая Гумилева [Давидсон 1992; Иванов 2000: 287–325], шансонетки Александра Вертинского («Лиловый негр») и Изы Кремер («Негр из Занзибара», «Черный Том») (см. публикацию текстов и нотных записей песен на сайте: <<http://a-pesni.org/cabaret/Cabaret.php>>), рассказы путешественников в журнальной и, в частности, детской периодике. Аркадий Аверченко с грустью вспомнит о такой литературе как литературе закончившегося детства: увиденный им в Севастополе негр-циркач вдруг обнаруживает, что он меньше всего похож на героев Майн-Рида и Буссенара («Смерть Африканского охотника», 1914):

Негр должен быть голым, кроме бедер, покрытых яркой бумажной материей. А тут я увидел профанацию: негра в красном фраке, с нелепым зеленым цилиндром на голове. Во-вторых, негр должен быть грозен. А этот показывал какие-то фокусы, бегал по рядам публики, вынимая из всех карманов замасленные карты, и вообще относился ко всем очень заискивающе [Аверченко 1989: 63–65].

Художественная культура Африки находит в те же годы своего пропагандиста в Волдемаре Матвейсе (1877–1914) — художнике и теоретике русского авангарда (писал под псевдонимом Владимир Марков), ставшем автором первой отечественной монографии по африканскому искусству («Искусство негров», 1919) [Марков 1919; Кошевская 1969].

Историческая память об общем для русских крестьян и американских негров рабском прошлом не исчезает и в советской литературе, но различий в данном случае оказывается больше,

чем сходств. В отличие от дореволюционной культурной традиции, в которой такое отношение диктовалось антикрепостническими и общегуманистическими соображениями, советские авторы руководствуются партийными наставлениями о пролетарском гуманизме. В идеологическом контексте советской пропаганды чернокожие жители Африки и Америки были привлекательны тем, что являлись жертвами эксплуатации и расизма и, соответственно, считались союзниками в борьбе с мировым империализмом. Для надежд на то, что и сами эти жертвы увидят в Советской стране обетованную землю, а в советских людях обретут своих заступников, у строителей коммунистического общества были все основания. Не говоря о колониальной и нищей Африке, нелишне заметить, что ситуация с положением чернокожего населения в Соединенных Штатах расценивалась самой президентской администрацией в качестве национальной проблемы.

История США и особенно американского Юга первых двух десятилетий XX в. — это история расовой сегрегации (Jim Crow laws), активности Ку-клукс-клана и разгула судов Линча. По официальным данным, оглашенным президентом Т.В. Вильсоном в 1918 г., с 1889 по 1918 гг. суду Линча были преданы более трех тысяч человек (2 472 черных мужчины и 50 черных женщин). Ситуация достигла кульминации в 1919 г., когда в течение лета и начале осени в более чем тридцати городах страны произошли массовые расовые бунты и беспорядки, в ходе которых пострадали тысячи негритянских семей и были линчеваны по меньшей мере (согласно официальному отчету сотрудника Департамента труда Д.Е. Хайнса) 43 негра. В глазах современников эти события, получившие в истории США название «красное лето» (Red Summer), сполна продемонстрировали настроение общества, балансировавшего фактически на грани расовой войны [Erickson 1960: 2293–2294; Tuttle 1970; Whitaker 2008; McWhirter 2011].

В ряде городов негры оказывали сопротивление отрядами самообороны, что означало жертвы с обеих сторон и требовало введения военного положения. На этом фоне интернациональные лозунги, которые сопутствовали советской и просоветской пропаганде, воспринимались гарантией расовой терпимости строящегося коммунистами государства.

Заверения в интернационализме и призывы к классовой борьбе тиражируются в советской литературе с первых послереволюционных лет. В стихотворении Сергея Образовича «Негр в Москве» (1922), написанном под свежим впечатлением от прошедшего в Москве и Петрограде IV конгресса Коммунистического интернационала (среди участников было немало

чернокожих делегатов) и опубликованном в газете «Правда», таким негром оказывается старик-делегат, присутствовавший на октябрьском параде и горестно думавший об участии африканских братьев. Но в этих раздумьях он обнадежен именем Ленина и «грозным гимном» пролетариев, который уже слышится ему над далеким Конго.

В вышедшем в 1923 г. фильме «Красные дьяволята» (реж. Иван Перестиани, сценарий Павла Бляхина) появлялся юный негр по имени Том Джаксон. Сюжет этого фильма разворачивался на фоне событий Гражданской войны на Украине — действий Первой конной армии Семена Буденного против бандитского ополчения Нестора Махно, в тылу которого и партизанили три героя — комсомолец Миша, его сестра Дуняша (дети убитого махновцами рабочего) и их друг, случайно оказавшийся на Украине чернокожий циркач. Авантюрная и полная лихих трюков киноистория про юных партизан, ставших красноармейцами, снискала грандиозный успех и в следующие три года была продолжена фильмами «Савур-могила», «Преступление княжны Ширванской», «Наказание княжны Ширванской», «Иллан-Дилли», в каждом из которых «советский негр» в исполнении марокканца Кадора Бен-Салима проявлял чудеса находчивости, силы и акробатической ловкости [Лебедев 1965].

Маленькие дети также узнавали об Африке из идеологически грамотных книжек. Одной из первых (если не самой первой в этом ряду) стала стихотворная история Льва Зилова «Май и Октябрина» о братце с сестрой, которые во сне облетают на своей кровати земной шар и разные континенты. Первая остановка на их пути — Африка с калейдоскопом экзотических стихов-картинок: пирамиды, крокодил, жующий под пальмой бананы, сытые обезьяны и танцующий «негритянский народ». Но экзотика длится недолго: с приехавшего парохода спускаются французы и «с ними капитал тостопузый», и советские дети видят безотрадную сцену подневольного негритянского труда:

*Тащат камни, рельсы и шпалы,
Ставят пальмы телеграфными столбами <...>
Французы их бьют бичами,
Не дают отдохнуть ни мало*
[Зилов 1924: 12].

Возмущенные увиденным, они грозят французам, те пускаются за ними в погоню на аэроплане, но кровать оказывается маневреннее: Май-пилот «как двинет их машину кроватью, / Взорвался у них бак с бензином, / Полетели, как гири, / Пассажиры» [Зилов 1924: 16].

Дальнейшее путешествие — в Индию и Японию — убеждает их в том, что лучшая страна на свете — Советский Союз, только здесь «простор и свобода для трудового народа», только здесь «дети помогут неграм, индийцам, японцам», что подытожится в венчающей книжку резолюции: «Да здравствует Сы-сы-сы-р и его мировое значение!»

В отличие от СССР экзотическая Африка рисуется страной, где царит несправедливость, а путешественников подстерегают и опасности. В 1925 г. об этом советским детям расскажет Корней Чуковский в стихотворной сказке о злом разбойнике и людоеде Бармалее. Маленькие читатели узнавали, как Бармалей поймал отправившихся гулять в Африку Таню и Ваню и бросил в костер доброго доктора Айболита, как всех их спасает добрый крокодил, проглотивший разбойника, и как проглоченный Бармалей перевоспитывается, возвращается с Таней и Ваней в Ленинград, чтобы одаривать ребятишек пирогами и кренделями. Запоминающийся зачин «Бармалея» стал со временем фольклорным:

*Маленькие дети!
 Ни за что на свете
 Не ходите в Африку,
 В Африку гулять! <... >
 В Африке разбойник,
 В Африке злодей,
 В Африке ужасный
 Бар-ма-лей.
 Он бегают по Африке
 И кушает детей —
 Гадкий, нехороший, жадный Бармалей!*

Африка была в детских стихах Чуковского и ранее (в сказке «Крокодил» (1917)) и будет присутствовать впоследствии — в продолжившей «Бармалея» сказке «Айболит» (1929), а также в прозаической повести «Доктор Айболит» (1936). С именем Чуковского связан и первый детский художественный рисованный фильм (мультипликация сочеталась в нем с натурной и павильонной съемкой), тоже на африканскую тему — «Сенька-африканец» (1927, реж. И. Иванов-Вано, Ю. Меркулов, Д. Черкес), о советском пионере, который, побывав в зоопарке и прочитав книжку Чуковского, отправился во сне в Африку вместе с Крокодилом Крокодиловичем, чтобы счастливо проснуться после пережитых им там приключений.

О жителях Африки Чуковский нигде не упоминал, но советские дети и их родители уже имели к этому времени возможность лицезреть их воочию. До революции негры, попадавшие в Россию, оказывались в ней по преимуществу в качестве при-

слуги¹, в составе спортивных и цирковых трупп (так в России оказался сыгравший в «Красных дьяволятах» Кадор Бен-Салим) или развлекательных шоу (наподобие группы дагомейских «амазонок» в 1901 г. в Москве, о которых как о сильнейшем воспоминании отрочества вспоминал Борис Пастернак в «Охранной грамоте» [Пастернак 2004: 149, 554]²). Теперь их можно было видеть и в составе разного рода партийных, профсоюзных и творческих делегаций, часто посещавших советские города с начала 1920-х гг. Основными событиями в этих случаях стали проводившиеся в Москве и Петрограде II, III, IV, V, VI и VII конгрессы Коммунистического интернационала (1920, 1921, 1922, 1924, 1928 и 1935 гг. соответственно), а также пять конгрессов Красного интернационала профсоюзов (1921, 1922, 1924, 1928, 1930 гг.), среди тысяч делегатов которых было немало чернокожих [Маккензи 2008; Ватлин 2009; Адибеков 1971; Baldwin 2002: 32–40].

Так, со страниц первого номера начавшего издаваться в 1924 г. журнала «Пионер» на юного читателя смотрел негр, развалившийся на царском троне: «Перед нами, — комментировалась эта фотография, — представитель самой угнетенной нации — делегат американских негров на царском троне в Кремле». «Так будет со всеми тронами», — пояснялся здесь же смысл странной композиции. В 1922–1923 гг. одним из таких делегатов был симпатизировавший коммунистам ямайский поэт Клод Маккей, участвовавший в работе IV конгресса Коминтерна и, как он сам напишет впоследствии, оказавшийся «везде востребованным»: «на лекциях поэтов и журналистов,

¹ Мода на чернокожих слуг сохранится до революции: «5 сентября, утром, по Невскому двигался оригинальный кортеж. В нескольких колясках ехали негры, доставленные на места прислуги в аристократические дома специалистом-поставщиком. Приехали 12 негров и 4 негритянки. Все они — уроженцы Северной Африки» (Московский листок. 1901, 7 сент.).

² «Вчера в зоологическом саду начались представления дагомейцев, которые будут показывать свои танцы и военные упражнения, в будни три раза в день, а в праздники — по пять раз в день» (Новости дня. 1901, 29 апр.). Художник-передвижник Николай Касаткин написал с этой группы картину «В Зоологическом саду». Сюжет и судьба последней известны по рассказу Я.Я. Минченкова: «Привезли негров и поместили напоказ, как зверей в Зоологическом саду. Подошла к решетке, за которой помещались негры, дама с ребенком на руках. Негритянка, увидев ребенка, тянется к нему, чтобы поцеловать. Вывод такой: материнское чувство не знает преград между расами, для него все люди равны, родственны. Эту картину Касаткин послал в подарок президенту Североамериканских Штатов в связи с вопросом о неграх. Вообще Касаткин всегда старался в своих картинах разрешать социальные проблемы, какие намечались в его время [Минченков 1961: 163]. Те же дагомейцы стали объектом краниометрических измерений А.Д. Элькинда, опубликовавшего в 1912 г. в «Русском антропологическом журнале» статью «К антропологии негров: дагомейцы» (Кн. 29. № 1. С. 20–35).

В споре на негритянскую экзотику случались и курьезы: «С прошлого воскресенья, в цирке, в г. Рославле, стали показывать двух негров с необыкновенно курчавыми волосами, в костюмах пестрого цвета. Они ели сырое мясо, плясали дикие танцы и т.д. Негры у публики имели успех. Но вот на днях один из присутствующих зрителей опознал в одном негре своего знакомого, оказавшегося крестьянином дер. Гренки, Епишевской волости, Семеном Дротовым. Произошла суматоха, во время которой “негр” скрылся. К розыску и опознанию приняты меры» [Как будто из Чехова 1909].

на заводских и солдатских собраниях». Маккей встречается с Л.Д. Троцким, Н.И. Бухариным, К.Б. Радеком, с писателями Евгением Замятиным, Самуилом Маршаком и Корнеем Чуковским [McKay 1923; Tillery 1992: 64–70]¹. В 1925 г. на русском языке издается сборник эссе Маккея «Судом Линча» о творимых в Америке расистских беззакониях [Маккей 1925; Baldwin 2002: 28–33].

В 1928 г. американские коммунисты были представлены на проходившем в Москве IV Международном конгрессе Профинтерна чернокожим политиком Джеймсом Фордом, возглавлявшим созданный в том же году Международный профсоюзный комитет трудящихся негров (International Trade Union Committee of Negro Working). На следующий год в Москву приехал сменивший Форда американский коммунист Джордж Падмор, ашанти по происхождению, возглавивший здесь Негритянское бюро Профинтерна [Hooker 1967].

Падмор, писавший статьи и памфлеты в англоязычную газету “Moscow Daily News”, в советской прессе стал популярной политической фигурой. В 1930 г. он избирается в Моссовет, а на первомайском параде стоит на трибуне Мавзолея среди приближенных Сталина [Matusevich 2003: 26]. Активны и коллеги Падмора — зулус Альбер Нзула (генеральный секретарь Коммунистической партии Южной Африки) и кикуйю Джомо Кеньятта (профсоюзный лидер и будущий президент Кении), принимавшие заметное участие в общественной жизни Москвы 1931–1933 гг.²

Еще одной причиной появления негров на улицах советских городов в эти же годы стала экономическая депрессия в США, вынуждавшая американцев искать заработка за границей, и агитационная деятельность советских рекрутеров, приглашавших иностранцев и американцев налаживать сельскохозяйственное и промышленное производство на территории СССР [Margulies 1968; Graziosi 1988: 35–59].

Именно в таком, производственном, контексте упоминается негр в романе Якова Ильина «Большой конвейер» (1932), посвященном строительству Волжского (позднее Сталинградского) тракторостроительного завода и сполна отразившем лихорадочный пафос промышленной индустриализации. Негр

¹ О своем пребывании в Советском Союзе и дружелюбном отношении советских людей к неграм Маккей опубликовал развернутое эссе “Soviet Russia and the Negro” (The Crisis. 1923, December). См. также: [Tillery 1992].

² О деятельности Негритянского бюро Профинтерна в Москве см.: [Weiss 2010; Trehwela 1988: 64–69]. Нзула под псевдонимом Джексон был автором и соавтором изданных по-русски книг: [Джексон 1932; Зусманович, Потехин, Джексон 1933].

появляется на первой странице романа: читатель видит его глазами героя, только что вернувшегося из Америки, где он проходил техническую стажировку, во время первомайского парада на Красной площади:

Негр, с повязанным на шею красным платком, взобравшись на широкие плечи какого-то иностранца, размахивал кепкой и что-то возбужденно кричал. Иностранец, улыбнувшись Бобровникову, громко и весело сказал по-английски:

— *Хэлоу! Все-таки Москва есть Москва!..* [Ильин 1934: 11].

Англоязычное приветствие композиционно служит завязкой сюжета, предвещающего создание не просто невиданного ранее завода, но и небывалого ранее мира. По улицам изменившейся Москвы перед героем проносятся «юркие “форды”, вытянутые “линкольны”, просторные и солидные “бьюики» [Ильин 1934]. А затем, на строительстве завода, среди иностранцев — инструкторов и наладчиков, на первых порах ответственных за новейшую технику, ему встречается еще один негр — «маленький, черненький» Ричардсон, как описывает его добрый старик-инструментальщик, у которого он работает подмастерьем («Негры, они все черные», — замечает на такую характеристику его собеседник) [Ильин 1934: 65]. Авторский портрет Ричардсона сложнее: «У него было умное точное лицо много перестрадавшего человека». На общем собрании иностранцев — участников производства «он сидел один, возле него никого не было» [Ильин 1934: 294].

Литературная зарисовка — смутный намек на какие-то травматические события в прошлом и вольное или невольное одиночество Ричардсона в кругу коллег-иностранцев — обнаруживает в этом случае документальную основу. Читатели-современники Ильина, следившие за советской прессой, могли вспомнить здесь о происшествии, случившемся на Сталинградском тракторном заводе в конце июля 1930 г., когда два белых американца избили чернокожего коллегу Роберта Робинсона. Случившееся стало предметом газетных публикаций на тему американского расизма, советского интернационализма, недостатков воспитательной работы среди иностранных пролетариев и судебного разбирательства, закончившегося высылкой одного из подсудимых в США. На процессе, транслировавшемся по радио в жилые дома тракторного завода и широко освещавшемся в печати, Робинсон описывал расистское насилие в США и утверждал, что американские власти потакают расистам¹.

¹ В 1933 г. Робинсон возвратится в США, но, не найдя там работы, вернется в СССР и поступит на работу на шарикоподшипниковый завод и даже станет депутатом Моссовета. В СССР Робинсон останется

В 1931 г. советский кинозритель получил фильм, сюжет которого был откликом на историю Робинсона. Картина с говорящим названием «Черная кожа» (реж. П. Коломойцев по сценарию Д.Э. Урина) рисовала «родимые пятна» капитализма на примере истории трех американских рабочих, уволенных с завода Форда и приехавших в Советский Союз. Один из рабочих — негр Том (в его роли снялся уже известный по «Красным дьяволятам» Кадор Бен-Салим). Цвет его кожи раздражает расистски настроенных коллег. С особенной враждебностью к Тому относится белый американец Сэм, третирующий его как человека «низшей расы» и даже выгоняющий его из общежития. Но советские рабочие не дают Тома в обиду: объявив Сэму бойкот, они побуждают его пересмотреть расистские предрассудки и извиниться перед чернокожим товарищем.

Спустя пять лет осуждение расизма достигнет апофеоза в безусловном хите советского кинематографа — фильме Григория Александрова «Цирк» (1936), где попытка иностранца-расиста фон Кнейшица публично опозорить в глазах советских посетителей цирка белую американку Мэри (в исполнении Любови Орловой) за ее связь с негром и чернокожего ребенка терпит поучительное фиаско. Советские граждане поют над маленьким мулатом интернациональную колыбельную, а директор цирка (в исполнении Владимира Володина) благодушно наставляет будущих пап и мам: «В нашей стране любят всех ребятшек. Рожайте себе на здоровье, сколько хотите: черненьких, беленьких, красненьких, хоть голубых, хоть розовых в полосочку, хоть серых в яблочках, пожалуйста!»¹ Прозвучавшая в том же фильме песня Исаака Дунаевского на слова Василия Лебедева-Кумача «Песня о родине» («Широка страна моя родная»), ставшая впоследствии одной из наиболее «главных» песен советской музыкальной культуры, напоминала слушателям о том, что «нет для нас ни черных, ни цветных».

Нереализованным проектом этих лет осталась антирасистская кинокартина «Черные и белые». Для консультации и участия в качестве актеров в этом фильме в СССР приехала команда из 22 негров во главе с чернокожим писателем Лэнгстоном Хьюзом. Постановка фильма не состоялась, но деньги амери-

до 1973 г., когда ему, после тщетных попыток уехать из страны, наконец удастся получить разрешение на отпуск в Уганде, а еще позднее — восстановить американское гражданство и вернуться в США. Автобиография Робинсона: [Robinson 1988]; см. также: [Carew 2008: 168–171; Keys 2009: 31–54].

¹ Ребенком, снятым в роли сына Мэри, был Джим Паттерсон, сын приехавшего в 1932 г. в СССР выпускника театрального колледжа Ллойда Паттерсона и советской девушки Веры Араповой. Он останется в СССР, закончит здесь военно-морское училище, станет подводником, а после окончания Литературного института им. А.М. Горького — поэтом и прозаиком, членом СП СССР (1967). В 1994 г. Паттерсон переехал в США. См. воспоминания о нем «Наш Джеймс Паттерсон», собранные на сайте: <<http://flot.com/blog/historyofNVMU/352.php?print=Y>>.

канской стороне были выплачены¹. Хьюз и несколько его товарищей совершили длительное путешествие по Средней Азии и Узбекистану; позднее в своих мемуарах Хьюз описывал увиденное им в Узбекистане как воплощение национальной политики, которая могла бы стать примером эмансипации американских негров и создания негритянской автономии на Юге США [Hughes 1934; 2008].

В осуждении расизма — и вместе с тем в напоминаниях о нем — за кино поспевают музыкальная эстрада, театр и литература. Такова, в частности, растиражированная грампластинками «негритянская колыбельная» (1932), исполнявшаяся джаз-оркестром под управлением Я.Б. Скоморовского и подсказывавшая слушателям название страны, не знающей рабства и расизма:

*Черный негр, черный раб девушку ждет <...>
Знаешь, где-то в мире есть страна свободных людей.
Светит там лазурная луна из темных ветвей.
В той стране, сказал сосед, нет рабов много лет.
Он из той страны привез нам привет².*

О «негритянской любви» (на мелодию “The Moon Was Yellow” и слова Анатолия д’Актиля) пел Леонид Утесов:

*Под черной кожей
Еще краснее кровь,
Еще прозрачней слезы,
Еще светлее грезы,
Еще нежней любовь.*

¹ Из архивных документов известно, что в 1932 г. В.М. Молотов и В.В. Куйбышев направили И.В. Сталину шифровку, в которой рассказали о состоявшемся разговоре с американским предпринимателем Купером, находившимся в СССР. Купер, узнав о съемках фильма «Черные и белые», пытался убедить Молотова и Куйбышева в том, что приезд группы негров-актеров в СССР, «а тем более съемка фильма как пример антиамериканской пропаганды будут непреодолимым препятствием признанию СССР Соединенными Штатами. В.М. Молотов и В.В. Куйбышев предложили «о неграх никакого ответа не давать» и «вежливо отказать» Куперу в свидании со Сталиным. Сталин эти предложения одобрил. 1 августа 1932 г. в повестке дня Политбюро стоял предложенный Куйбышевым вопрос «о неграх», после обсуждения которого Политбюро поручило секретарю ЦК ВКПб Постышеву и члену ИККИ О.А. Пятницкому принять меры на основе состоявшегося обмена мнений. Через два дня Л.М. Каганович в письме к Сталину от имени Политбюро склонялся к тому, что «можно бы обойтись без этой фильма». В конечном счете 22 августа по представлению Пятницкого Политбюро приняло решение «а) не объявлять о полном отказе от выпуска» фильма «Черные и белые», б) поручить П.П. Постышеву и О.А. Пятницкому «просмотреть сценарий картины в направлении серьезного изменения картины в соответствии с состоявшимся обменом мнениями». Фильм был законсервирован [Кремлевский кинотеатр 2005: 190–181].

² Еще одна популярная «негритянская колыбельная» этих лет — запись вокального джаза артистов театра им. Немировича-Данченко под управлением В. Канделаки (перевод песни на слова Д.Г. Клутса): «Спи, мой бэби, спи, мой черный, спи, усни. Спи, мой плакса, мой черненький, как вакса <...> Спи, мой босый, ведь ты такой курносый, что видят в небе всю красу две дырочки в твоём носу». Еще одна «Негритянская колыбельная» — сочинение Ю.Л. Вейсберг (для голоса с ф.-п.: Ор. 33), на слова Т. Чурилина.

Тогда же в московском Камерном театре ставится осуждающая расизм пьеса Юджина О'Нила «Негр», издается роман Рене Морана «Любовь негра» (о драматической любви чернокожего и белой: [Моран 1928])¹. В фантастическом романе Александра Беляева «Человек, потерявший свое лицо» (1929) расист-губернатор, отравленный эндокринологическим препаратом, превращается в негра и испытывает на себе все прелести расовой дискриминации. Детский журнал «Еж» в 1931 г. уже первой страницей первого номера извещал юных читателей о том, что в Америке «жгут на кострах негров и казнят на электрических стульях коммунистов». А через два года в том же журнале публикуется стихотворение Самуила Маршака «Мистер Твистер», сразу ставшее одним из самых популярных стихотворений советской литературы для детей. История об американском миллионере, приехавшем с семьей в Ленинград и тщетно пытающемся избежать встреч с неграми, напоминала детям о расизме в США и гостеприимном отношении к людям любого цвета кожи в СССР. В последующие печатные редакции стихотворения Маршак вносил незначительные изменения, но в своей дидактической идее оно прочитывалось как идеологически актуальное несколькими поколениями советских детей².

Расовое неравенство остается одной из постоянных тем советской пропаганды, литературы и кинематографа и последующих десятилетий советской власти [Roman 2012]. Вместе с тем самих негров на улицах советских городов становится меньше. За сворачиванием деятельности советского Коминтерна и Профинтерна иностранные делегации в СССР резко редуют и борьба с расизмом, хотя и подразумевает по-прежнему и преимущественно образ чернокожих жертв, в определенном смысле виртуализуется [Baldwin 2002]. Советский человек знает, что неграм в Африке и Америке живется плохо, но это знание отныне он в большей степени получает в идеологически и медийно опосредованном виде.

¹ Советская критика расценила роман Морана недостаточно классовым, переводящим «проблему взаимоотношений между расами в чисто сентиментальный план» [Рыкова 1933: 42].

² Из важных изменений — присутствие в ранних редакциях двух негритят, жалеющих Твистера, и заговора швейцаров, не пускающих Твистера в гостиницы. В поздних редакциях эти строки выпущены (мнения о ценности этих изменений разнятся. Б. Галанов считал их улучшившими стихотворение [Галанов 1970: 5–27], В.В. Смирнова — ухудшившими [Смирнова 1973: 22]). В 1963 г. «Мистер Твистер» нашел свое продолжение в стихотворении «Африканский визит мистера Твистера»: здесь бывшему министру снится сон, что ему надлежит по делу поехать в Африку «на родину Отелло». Министр объят смятением, представляя чернокожих в одной с ним гостинице, но неожиданно ему отказывают в визе: «Как много обидной иронии / Таит этот вежливо-твердый отказ / Правительства бывшей колонии». В том же году по сценарию Маршака на студии «Союзмультфильм» был снят мультипликационный фильм «Мистер Твистер» (из мультипликационной версии Маршак благоразумно убрал фразу дочери Твистера о том, что она намерена в СССР «питаться зернистой икрой, живую ловить осетрину, кататься на тройке над Волгой-рекой и бегать в колхоз по малину»).

В вышедшей в 1935 г. книге путевых заметок об Америке Илья Ильф и Евгений Петров рисовали советскому читателю образ чернокожих, какими они видятся расистам:

Негры талантливы. Что ж, белые охотно аплодируют им, продолжая считать их низшей расой. Неграм милостиво разрешают быть артистами. Очевидно, когда черный на подмостках, а белый в ложе, он может смотреть на черного свысока, и его самолюбие господина не страдает.

Негры впечатлительны. Белые относятся к этому иронически и считают, что негры глупы. В самом деле! Для того чтобы хорошо торговать, не нужно никакой впечатлительности. <...> Негры обладают сильным воображением. Они любят, например, носить имена знаменитых людей, и иногда какой-нибудь швейцар, лифтер или батрак Джим Смит полностью произносит свое имя так: Джим-Джордж-Вашингтон-Абрагам-Линкольн-Грант-Набукаднезер-Смит.

— Ну конечно, — говорит южный джентльмен, в воображении которого днем и ночью стоит лишь одно прелестное видение — миллион долларов, — это же полный идиот!

Во всех кинокартинах и водевилях негры выводятся в качестве комических персонажей, изображающих глупых, но добродушных слуг.

Негры любят природу. Как свойственно артистическим натурам, они созерцательны. Южные джентльмены находят и этому свое объяснение. Негры, видите ли, ленивы и не способны к систематическому труду. <...>

Наконец, негры экспансивны. О! Тут южный джентльмен серьезно обеспокоен. Он уже вытаскивает кольт, веревку и кусок мыла. Он уже раскладывает костер. Он становится вдруг невероятно благородным и подозрительным. Негры — это, видите ли, сексуальные преступники. Их надо просто вешать.

Негры любопытны. Тут у южного джентльмена есть тысяча объяснений. Ясное дело — это просто нахалы и беспардонные люди. Лезут не в свое дело. Всюду суют свой черный нос [Ильф, Петров 1961: 420].

Книга Ильфа и Петрова лишена нарочитой пропаганды и идеологических штампов, но тем интереснее, что обширный пассаж, посвященный в ней неграм, предстает чем-то вроде этнографического описания, которое хотя и дано со знаком «минус», полезно своей информативной обстоятельностью. Читатели этих рассуждений, излагаемых от лица расистов, могли домыслить для себя образ негров методом от противного и в принципе придать ему искомые черты по своему желанию. Здесь, говоря словами героя из романа Ильина «Большой конвейер», единственным правилом, огра-

ничивающим читательскую фантазию, оставалось то, что «негры, они все черные».

В догадках о том, что должны думать о себе и других, о культуре и политике сами негры, дальше других пошел Александр Бе-ляев, сделавший чернокожего рабочего Джима одним из глав-ных героев-повествователей научно-фантастического романа «Под небом Арктики» (1938). Читатель узнает, что Джим, «как и многие его товарищи», «давно мечтал» поехать в СССР, что-бы найти здесь для себя работу, так как в его родной Флориде, как и повсюду в США, продолжается экономический кризис и социальный хаос. Новую работу Джим находит на Крайнем Севере, где проходит рабочий путь от бетонщика до шахтера и где общение и совместная работа с советскими людьми по успешному преобразению сурового края меняет и его само-го — его отношение к труду и планы на будущее.

Джим шел и думал. Он работал всю свою жизнь, с самого раннего детства. Но там, на родине, труд не доставлял ему никакого удовольствия. Это была житейская необходимость. <...> Здесь же он впервые за всю свою жизнь почувствовал, что оконченный труд не уходит от него. Между Джимом и оконченной работой остается прочная связь [Беляев 1939].

В конце романа Джим уезжает во Флориду, но через двадцать дней возвращается вместе с четырьмя товарищами, чтобы жить и работать там, где работа «так осмысленна и полна жизнен-ным содержанием»:

За его спиной стояли еще четыре Джима. Может быть, не все были Джимы, но все четверо негры, очень похожие на Джима [Бе-ляев 1939].

В исторической ретроспективе негры, какими они предстают в медийном пространстве 1940–1950-х гг., привычно рисуются жертвами или, напротив, счастливыми, чудом избежавшими рабства и расистского произвола. Об истории аболиционизма, запрете работорговли и Гражданской войне между американ-ским Севером и Югом советскому читателю и зрителю сооб-щалось скупо. Он знал главное: неграм было плохо в прошлом и не стало лучше в настоящем.

В 1945 г. таким напоминаем стал фильм «Пятнадцатилетний капитан» (реж. Василий Журавлев). Он снят по мотивам одно-именного романа Жюль Верна. По ходу приключений пасса-жиров китобойной шхуны «Пилигрим» под командованием юноши-матроса Дика Сенда, сбившегося из-за обмана кока Негоро с курса и попавшего вместо Южной Америки в Афри-ку, зритель мог умилиться доброте и силе негра Геркулеса в ис-

полнении Вейланда Родда¹, заботливости старой негритянки, певшей колыбельную белому младенцу, и ужаснуться пугающим соплеменникам из Анголы, чернокожим дикарям с кольцами в носу, готовым повиноваться злодеям-работорговцам.

Некоторые фразы из фильма стали расхожими («Африка. Ангола. Страна работорговцев и невольников. Страна цепей», «Негры — ценный товар!», «Нет, я не Негоро! Я Себастьян Перейра, торговец черным деревом» (интересно, что в романе Жюль Верна нет ни этой фразы, ни вообще имени Себастьян Перейра), «Мганга! Идет великий Мганга», «Какой негодяй осмелится купить белую женщину»). Они поддерживали общий контекст, в котором история Африки и ее жителей побуждала советского зрителя не столько к этнографическому любопытству, сколько к определенности идеологических эмоций. Давшее о себе знать уже в начале 1946 г. ухудшение внешнеполитических отношений между СССР и США резко увеличило свидетельства о социальных бедах чернокожего населения: газета «Правда», а вслед за ней другие газеты страны, публиковали заметки о возрождении в США расистской организации Ку-клукс-клан (Правда. 1945. 15, 20 авг., 24 дек.; 1946, 6 янв., 13 апр.; Комсомольская правда. 1945. 4, 7, 14 окт., 16 дек.; Труд. 1945 4 окт., 22, 23 дек.)². А информационный арсенал последующих лет холодной войны множил сцены расистского насилия в литературе, кино и массовой, «фольклорной», культуре.

В рассчитанной на подростковую аудиторию повести Марии Прилежаевой «С тобой товарищи» (1949) советским школьникам устами учительницы на протяжении главы рассказывалась душераздирающая история, случившаяся с чернокожим героем Второй мировой войны после его возвращения в родную Алабаму. Негр Джо узнает, что в квартале для белых показывают документальный фильм о боях, в которых он принимал участие и за которые был награжден орденом. Вместе со своим сынишкой Сэмом Джо идет в кинотеатр, но туда его не

¹ Снимавшийся в роли Геркулеса Вейланд Родд приехал в СССР в 1938 г., закончил режиссерский факультет ГИТИСа в Москве, работал в театре В.Э. Мейерхольда. В 1947 г. Родд снялся в роли Ура, чернокожего туземца в фильме Александра Разумного «Миклухо-Маклай». Как и другие редкие в СССР негры, Родд часто фигурировал в прессе как живой образец советского интернационализма. Позднее внимание прессы привлечет и его чернокожая дочь Виктория; такова, например, заметка о ее первом школьном дне в средней женской школе № 179 Москвы. Здесь же фотографии новорожденной Виктории (родившейся 27 мая 1945 г.) и Виктории в окружении ее одноклассниц [Поляновский 1952: 9].

² См. также: [Демиденко 1954]. Об истории советско-американских отношений и антизападной пропаганды этих лет: [Фатеев 1999] (к сожалению, автор этой ценной монографии не останавливается специально на теме расизма, отмечая ее лишь мимоходом); [Рукавишников 2000; Печатнов 2006].

пускают, а невинная попытка объясниться с белыми заканчивается трагедией. Сэма отшвыривают в сторону, а его отца хватают беснующиеся расисты. Лежа на земле, «Сэм увидел вдалеке орущую толпу. Это тащили вешать на дереве его отца, черного солдата, который сражался под флагом Соединенных Штатов Америки». Рассказ учительницы продиктован предметом урока — изучением 123-й статьи советской Конституции, узаконившей «равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы», и служит наглядным доказательством вопиющих бесчинств там, где такой конституции не существует¹.

Из опубликованного в том же году в русском переводе романа Александра Сакстона «Большая среднезападная» советский читатель узнавал историю рабочего негра Пледжера Мак-Адамса, прошедшего Первую мировую войну и возвратившегося после войны в Чикаго. Здесь Пледжер вступает в коммунистическую партию, но гибнет от руки убийцы, шпиона железнодорожной компании. Мысли погибающего негра обращены к Советскому Союзу и воинам Советской армии, оказавшим сопротивление немецкому фашизму.

Не были обойдены такими историями и любители поэзии. Виктор Гончаров в изданном в 1951 г. сборнике стихотворений рифмованно повествовал о старом чернокожем грузчике, выкинутом за ненадобностью с работы и насмерть забитом в трамвае толпой расистов только за то, что он сел на место для белых, а также о его сыне-поэте, передавшем поэтический привет Сталину:

*Недавно в Кремле получили конверт.
Из Нью-Йорка. Письмо. Негритянский поэт
Пишет Сталину, пишет в стихах
О детях, про жизнь на гнилых чердаках.
Про то, как печально там ветер свистит,
Что часто он с братом ночами не спит.
«Взглянуть бы хоть раз, хоть единым глазком
На город, который по сказкам знаком! <...>*

¹ По ходу повести школьники еще раз вернутся к истории о маленьком Сэме, чтобы проиллюстрировать ее на пионерском собрании с помощью картинок на эпидиоскопе («эпидиоскоп в пучке света выбрасывал на стену одно за другим все новые отражения») с придуманным ими продолжением — революционным восстанием негров на экране и коллективным пением школьниками гимна СССР: «Город горит. Смелый черный мальчишка вскарабкался на крышу самого высокого здания и привязал к трубе древко красного флага. Ура! <...> Восстали все рабочие с плантаций мистера Эвенсона и других мистеров. Они знали о Советском Союзе. <...> Высокий, сильный голос звучно вел мелодию. <...> Это было строгое, сдержанное и счастливое чувство любви к своей Родине» [Прилежаева 1949].

*Великий, бессмертный, из света и стали,
Я слышал, когда-то стихи вы писали.
Я вам посылаю в стихах свой привет!
Мак Стоун — сын Джона, бездомный поэт
[Гончаров 1951: 88–91]¹.*

Устойчивый топос антиамериканской риторики этих лет — сравнение расистов с фашистами, а Америки с нацистской Германией. Страна-союзница в годы войны в публицистике второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. рисуется оплотом гитлеризма, антикоммунизма и расизма. Среди характерных примеров такого рода — книга статей Михаила Шолохова «Не уйти палачам от суда народов!» (1950), в которой советский классик изобразил самого президента Трумэна куклуksклановцем, не только охочим до расправы над чернокожими, но даже внешне схожим с нацистскими преступниками:

Посмотрите на него, люди, на американского фашиста в белом балахоне! Это он, умеющий линчевать негра, с такой же простотой убьет и вас. Он прячет глаза, прорезав узкие щели в капюшоне, но глаза его столь же бесстыдны и бессовестны, как у Гитлера, у Геринга, у Гимmlера [Шолохов 1950: 13].

Сходство американских расистов с фашистами не ограничивается их милитаризмом и ненавистью к неграм. Из книги Давида Златопольского «Образование и развитие СССР как союзного государства» (1954) читатель узнавал и то, что помимо чернокожих жителей США «американские расисты преследуют русских, украинцев, белорусов и других лиц славянской национальности» [Златопольский 1954: 42].

Кинематографическим апофеозом этих же, уже наработанных, стереотипов станет фильм «Серебристая пыль» Абрама Роома (1953, экранизация пьесы А. Якобсона «Шакалы»). Он снят в жанре фантастического триллера, но вполне реалистично устрашал зрителя сюжетом, по ходу развития которого амери-

¹ Стоит заметить, что придуманный Гончаровым Мак Стоун не только обнаруживал свою осведомленность о поэтических опытах «бессмертного» Сталина, но и наделял его званием поэта — в дополнение к разнообразным проявлениям сталинского гения. В том же сборнике советским любителям поэзии напоминалось и о том, что неграм живется плохо не только в США, но и в колониальной Африке, в частности в Нигерии, где забастовка чернокожих горняков в городе Энугу была подавлена карательными расстрелами. Обращаясь с проклятием к виновникам преступления (голландцам и англичанам с их «лейбористскими управителями»), поэт выражал вместе с тем уверенность в том, что: «И недалек этот год и час — / Народ из Нигерии вышвырнет вас!» Интересно, что рассказанная Гончаровым история старого Джона предвосхитила событие, которое произойдет в декабре 1955 г. в городе Монтгомери штата Алабама и станет получившим широкую огласку инцидентом, вызвавшим волну массового движения за расовое равноправие. Тогда пожилая афроамериканка Роза Паркс откажется освободить место для белых в рейсовом автобусе и будет арестована местными властями. Этот арест вызовет бойкот общественного транспорта со стороны черного населения, а через год приведет к признанию Верховным судом США незаконным наличия расовой сегрегации в рейсовых автобусах и отмене указателей мест, предназначенных для белых пассажиров.

канские милитаристы, стремящиеся заполучить смертельное химическое оружие, в секретных лабораториях производят бесчеловечные опыты над неграми и, как мог догадываться зритель, не останутся перед тем, чтобы производить их также и на славянах [Ковалов 2003: 85].

Примеры подобного рода можно множить. Доброжелательно-сочувственное отношение к неграм, отсутствовавшим на улицах советских городов, но присутствовавшим в сердцах советских граждан, в эти годы не подлежит сомнению. Очередным примером такого сочувствия стал фильм «Максимка» (реж. Владимир Браун, 1952 г.). Фильм снят по мотивам «Морских рассказов» К.М. Станюковича. В нем изложена история трогательной дружбы русских матросов корвета «Богатырь» и мальчика-негра, снятого ими с обломков разбитого штормом корабля американских работорговцев. По контрасту с коварными и алчными американцами, уготовившими чернокожему ребенку участь раба, русские моряки заботливо опекают спасенного негртенка, прозванного ими Максимкой (в фильме его сыграл загримированный белый мальчик). Он платит им ответной любовью: помогает своему другу матросу Лучкину (в исполнении Бориса Андреева) избавиться от пьянства, в котором тот топит боль былого крепостного унижения, а затем вместе с командой вызволяет его из рук американских вербовщиков рабочей силы. В финале фильма Максимка зачисляется в команду корабля и становится юнгой русского флота¹.

В 1954 г. Сергей Михалков в своем выступлении на II съезде советских писателей рассказал об инциденте, случившемся в областном драматическом театре г. Калинин. Во время спектакля «Хижина дяди Тома» (в постановке режиссера Александра Аронова) юные зрители живо сопереживали происходящему. Во время сцены торгов, на которых добросердечные белые безуспешно пытались выкупить Тома из рабства, девочка из зала бросилась к ним, чтобы протянуть три советских рубля. Когда в финале спектакля плантатор заявил, обращаясь в зрительный зал и к действующим лицам, что он будет уничтожать цветных людей — черных, желтых и других, в него был произведен выстрел из рогатки, при этом «покушавшийся, одиннадцатилетний мальчик, спокойно заявил, что он ненавидит всех буржуев и тех артистов, которые их играют. И с ним были вполне солидарны его друзья, соучастники этого покушения, вооруженные такими же рогатками» [Второй всесоюзный съезд 1956: 236].

¹ По итогам проката 1953 г. фильм занял пятое место, его посмотрело почти 33 млн зрителей [Советские художественные фильмы 1961: 471]. Толя Бовыкин, сыгравший Максимку, становится после выхода фильма кумиром сверстников, с ним организуются коллективные встречи, он дает интервью и т.д. См., например: [Год тридцать седьмой 1954: 37].

Рассказ Михалкова (легший в основу написанного им позднее и опубликованного в газете «Правда» от 1 июня 1955 г. стихотворения «На спектакле “Хижина дяди Тома”»), как можно судить по стенограмме его выступления, вызвал оживление и добродушный смех присутствовавших. При этом присутствие не выдуманных, а реальных негров в советском пропагандистском дискурсе тех же лет исчерпывается единичными примерами. Одним из них был Поль Робсон, певец, впервые посетивший Москву с гастролью в 1934 г. и затем неоднократно приезжавший в СССР с концертными выступлениями в 1950-х и начале 1960-х гг. В Робсоне, демонстративно приветствовавшем и одобрявшем внутреннюю и внешнюю политику СССР, советская пропаганда обрела ценную находку — чернокожего американца, как бы выступающего от имени всех идеологически «правильных» негров планеты. Робсон успешно справлялся с этой ролью, неизменно хвалил СССР, неумоимо порицал США [Robeson 1950; 1958]. В 1952 г. ему была присуждена Сталинская премия мира. При этом незаурядные вокальные данные и охотно исполнявшиеся Робсоном русские песни делали его образ привлекательным в глазах самой широкой советской аудитории.

Пример Робсона, басовито выпевавшего по-русски песенные шлягеры послевоенных лет, символично русифицировал или, точнее, «советизировал» и саму негритянскую культуру, представшую в описании советских критиков равно неопределенной и вместе с тем узнаваемо «народной».

Все творчество Робсона корнями уходит глубоко в народные толщи, питается соками жизни и как бы выкристаллизовывает в себе то бесценное, что веками создавал, копил талантливый, веселый, певучий, жизнерадостный и несчастный негритянский народ [Полевой 1978 (1958)].

На волне позднего антикосмополитизма и, в частности, борьбы со стилистами даже джаз, традиционно возводившийся (в том числе и в советской критике 1930-х гг.) к музыкальной традиции негров США, объявлялся чуждым не только советской, но и негритянской культуре. И Робсон, чей советский репертуар не включал джазовые композиции, доказывал это в очередной раз:

Что может быть менее созвучным нашей музыке, нашим советским песням, богатейшему фольклору советских народов, чем ноющий как больной зуб или воющий саксофон, оглушительно ревущие изо всех сил тромбоны, верещащие засурдиненные трубы или однообразно унылый стук всего семейства ударных инструментов, насильно вколачивающих в сознание слушателя механически повторяющиеся ритмы фокстрота или румбы! Нет! Мы решительно против соединения нашей музыки с джаз-оркестром,

а те, кто пытается втискивать ее насильно в джаз, калечат ее, коверкают. <...> Буржуазное музыковедение в свое время создало легенду о народности джаза, джаз выдавался за подлинно народный негритянский оркестр. На самом деле это была бесстыднейшая ложь, злостный навет «белых» любителей «черной экзотики». <...> А тогда, когда для джаза в ресторане и брались мотивы из негритянского фольклора, мотивы эти не только теряли всю свою народную национальную специфику, но совершенно извращались, «линчевались», подвергались издевательствам американских куклуксклановцев от музыки. Это дикарское, гангстерское обращение с искусством угнетенного негритянского народа не может не вызвать возмущения советских людей, любовно и бережно относящихся к народному искусству всех национальностей. Знающие и ценящие чудесное искусство Поля Робсона <...> с ненавистью и презрением относятся к джазу — этому «американскому образу искусства!» [Сокольский 1952]¹.

Более того, из стихотворного отчета украинского поэта Андрея Малышко (в 1957 г. переведенного на русский язык Александром Прокофьевым) о поездке в Оклахому читатель узнавал, что тамошние негры расппевают «Катюшу» Михаила Исаковского:

*Как на вечеринке в отчем доме,
Я ее услышал здесь, вдали.
<...> Негров двое в поле, в Оклахоме,
Нашу песню милую вели
[Прокофьев 1957: 425–426]².*

Кульминационным годом, условно говоря, советско-негритянской дружбы в истории СССР стал 1957 г. — год проведения в Москве IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Две недели фестиваля (с 28 июля по 11 августа), оказавшегося самым массовым за всю его историю (34 тысячи человек из 131 страны мира), совпали с наиболее либеральным временем хрущевской «оттепели». В документалистике и мемуарной литературе он оставил о себе память праздничностью и небывалой для советской политики предшествовавших лет идеологической открытостью. При этом особое внимание было оказано именно африканским делегатам, воспринимавшимся как посланцы континента, только что начавшего освобождаться от колониальной зависимости. Ко времени открытия фестиваля таких стран было уже семь — Ливия (1951), Египет (1953), Су-

¹ Об истории джаза в СССР, роли негритянских исполнителей как примере исполнительского мастерства в глазах советских пропагандистов джазовой музыки в 1930-е гг. и ее критике в 1950-х — начале 1960-х гг. см.: [Starr 1994].

² В том же году ученые американисты и любопытствующие читатели получили первое исследование, посвященное прогрессивной негритянской литературе: [Беккер 1957].

дан, Тунис, Марокко (1956) и Гана (1957). Через три года к ним добавится еще 16 стран. Идеологические надежды, связываемые в СССР с Африкой, принимали при этом все более выраженный политический и институциональный характер [Africa and the Communist World 1963; Stevens 1976; Charles 1980; Давидсон 2002; Natufe 2011].

В 1959 г. в системе Академии наук был создан Институт Африки (его возглавит И.И. Потехин, начинавший свою преподавательскую деятельность еще в 1930-х гг. в Коммунистическом университете трудящихся Востока) [Становление отечественной африканистики 2003]. На следующий год в Москве был учрежден Университет дружбы народов, на шести факультетах которого (инженерном, историко-филологическом, медицинском, сельскохозяйственном, физико-математических и естественных наук, экономики и права) к концу первого выпуска в 1965 г. обучалось уже несколько десятков чернокожих студентов. С 1959 г., когда общее число африканских студентов в СССР составляло 114 человек, это количество увеличивается до 402 уже в 1961 г. Динамика такого роста сохраняется и далее [Тункара 2009: 98].

В средствах массовой информации СССР 1960 г. был назван «годом Африки», а 1961 г. ознаменовался событием, которое в еще большей степени придало советской пропаганде «африканскую» направленность. Этим событием стало убийство 17 января 1961 г. в ходе «конголезского кризиса» просоветски настроенного премьер-министра Конго Патриса Лумумбы. Советская пресса (небезосновательно) представила это убийство как инспирированное бывшими колонизаторами — правительством Бельгии и поддержанное спецслужбами США, а имя убитого премьер-министра со временем станет нарицательным для идеологического пафоса советско-африканского сотрудничества. Уже 22 февраля того же года имя Патриса Лумумбы было присвоено Университету дружбы народов, а позднее его именем были названы улицы по меньшей мере в сорока городах СССР.

В том же году широко освещались приезд в Москву президента Республики Гана Кваме Нкрумы, его встреча с Н.С. Хрущевым и Л.И. Брежневым. Чернокожий президент провозглашал себя приверженцем Ленина и сравнивал проводимую им политику с опытом СССР¹. Приверженность Нкрумы идеям социализма

¹ Так, в частности, на митинге дружбы между народами Советского Союза и Республики Гана 24 июля 1961 г. Нкрума рапортовал: «Мы черпали вдохновение в истории и в нашем славном прошлом, и, подобно Ленину и другим великим лидерам вашей страны, мы восстали против колониализма и империализма в Гане и сокрушили их со всей решительностью» (Огонек. 1962, 2 дек. С. 22).

была оценена, и в том же году в переводе на русский язык была издана его автобиография, из которой советский читатель узнавал не только то, что «сыновья и дочери Африки занимают ныне места в правительствах африканских стран и выполняют свои обязанности с замечательным умением и успехом» [Нкрума 1961: 17], но и такие экзотические детали, которые могли были бы потребовать соответствующей идеологической цензуры, но в данном случае остались без комментария. Так, читатель был волен прислушаться к сочувственному рассуждению президента Ганы о легальности и физиологической оправданности многоженства:

[Д]ля мужчины совершенно естественно иметь столько жен, сколько ему позволяют средства. Фактически чем больше жен в состоянии содержать мужчина, тем выше его социальное положение. Убеденным моногамистам этот образ жизни может показаться необычным и неудовлетворительным, однако часто принимается как непреложный факт (а я отнюдь не пытаюсь защищать свой пол), что мужчина по своей природе полигамен. Африканцы только признали этот факт и легализовали его [Нкрума 1961: 13].

Узнавал читатель и о том, что президент Ганы считал себя христианином, не принадлежащим к какой-либо определенной церкви, и вместе с тем — социалистом-марксистом, не находящим в этом «никакого противоречия» [Нкрума 1961: 18]. В воспоминаниях о прошлом автор упоминал о правителе Ашанти из племени кумаси-хене, сосланном британским губернатором «за предполагаемое участие в человеческих жертвоприношениях», а также о том, что склонностью к политическому лидерству Нкрума обязан своей матери, рассказавшей ему о его праве «претендовать на троны вождей двух племен страны — вождя племени нсаэум в Вассав Фиазе и вождя племени дадьесо в Аовине» [Нкрума 1961: 21, 31].

Политическая биография автора наполнилась названиями мест, имен и разного рода событиями, рисовавшими без малого приключенческую авантюру. Автор учится в Америке, пересекает Атлантику на пароходах, живет в Англии, возвращается в Африку, активно участвует в антиколониальной агитации, сидит в тюрьме, торжественное освобождение из которой сопровождается «традиционной церемонией искупления» — жертвенным принесением овцы, в кровь которой он семь раз погружает свои ноги [Нкрума 1961: 128]. Затем он становится президентом, умиряет враждующие племена и при всем при этом не забывает о своем сокровенном желании — создании «Союза Западно-Африканских Советских Социалистических Республик» [Нкрума 1961: 85].

Дальнейшая политическая биография Кваме Нкрумы симптоматична для политических лидеров Африки, выдвинувшихся в 1960-х гг. В 1964 г. Нкрума запретил все другие политические партии, кроме возглавляемой им Народной партии конвента, и провозгласил себя пожизненным президентом. Объявленная Нкрумой социалистическая ориентация страны, упор на преимущество развитие государственного сектора и опора на внешние займы (в немалой степени — на финансовую помощь СССР) привели страну к разгулу чиновничьей коррупции, обострению племенной вражды, финансово-экономическому хаосу и в конечном счете военному перевороту 24 февраля 1966 г. (положившему начало череде последующих переворотов). Нкрума, находившийся во время переворота с визитом в Пекине, был смещен и нашел политическое убежище в Гвинее, где его вплоть до смерти в 1972 г. приютил другой пожизненный президент Ахмед Секу Туре.

Все это произойдет, впрочем, еще не скоро, в начале 1960-х гг. президент Ганы — излюбленный герой советской прессы. Кроме того, что он образован, обаятелен, экзотично объединяет в одном лице президента и племенного вождя, он еще и бесстрашный политик, чья жизнь подвергается каждодневному риску (4 августа 1962 г. центральные газеты страны опубликовали «Телеграмму руководителей СССР Президенту Ганы Кваме Нкруме в связи с покушением на него 1 августа 1962 г.», подписанную Н.С. Хрущевым и Л.И. Брежневым)¹.

Годы Международного фестиваля молодежи и студентов, основания и первых лет работы Университета дружбы народов, активизация исследований в области африканистики, освещение в СМИ дружественных визитов в СССР африканских политиков и ответные визиты советских политиков в африканские страны, «русификация» и «фольклоризация» имени Лумумбы в информационном пространстве советской идеологии и культуры — таковы внешние и наиболее заметные обстоятельства пополнения «фонового знания» советских людей о неграх.

В той мере, в какой это знание поддерживалось пропагандистскими усилиями, оно обязывало не просто к дружбе с неграми, но и отдавало им своего рода идеологический приоритет перед представителями других этносов. Так, в изданной в 1962 г. большой «пионерской книге» «Здравствуйте! Мы — из двухлет-

¹ Советский читатель мог судить о Гане также из изданных к этому времени путевых дневников И.И. Потехина (возглавившего основанный в 1959 г. Институт Африки АН СССР): [Потехин 1959]. В 1964 г. в Гану была направлена большая делегация АН СССР с целью разработки перспективного плана развития науки. Об итогах этих контактов и надеждах, которые возлагались на Гану: [Потехин 1965].

ки» (имеется в виду принятый в 1961 г. первый пионерский двухлетний план) советские школьники (авторы писем) отвечали на вопросы, каковы их главные мечты и что бы они хотели сделать, будь они волшебниками: встретиться с Полем Робсоном, познакомиться с женой и детьми погибшего годом ранее Патриса Лумумбы и сделать так, чтобы «черные и белые жили вместе», свободно и весело [Здравствуйте! Мы — из двухлетки 1962: 23, 27].

Позднее конец 1950-х — начало 1960-х гг. будут вспоминаться как время рождения в Москве первых детей-мулатов, получивших фольклорное прозвище «дети фестиваля». Но это же время ознаменовало собой границу, за которой интернационально сочувственные, но достаточно абстрактные представления о неграх начинают осложняться бытовыми — и потому более реалистичными — представлениями о тех, в ком советская пропаганда авансировала видеть чернокожих друзей СССР.

В 1963 г. идеологически безоблачная картинка советско-африканских отношений была омрачена событием, происшедшим около часа дня 18 декабря в самом центре Москвы. Им стала манифестация на Красной площади более 400 студентов-африканцев, вызванная смертью студента из Ганы. Манифестанты, убежденные в том, что студент был убит из-за цвета кожи, несли плакаты, обвинявшие советские власти в потакании расизму: «Москва — вторая Алабама», «В Африке к русским относятся хорошо», «Мы хотим человеческого отношения». Оцепившая площадь милиция рассеяла манифестантов, но инцидент на этом не завершился. Вечером того же дня делегация из десяти африканских студентов направилась в Кремль, где была принята министром высшего образования В. Елютиным, а затем в ганское посольство, где ее принял посол Ганы в СССР Джон Эллиот. На состоявшейся затем пресс-конференции советская сторона и Эллиот объяснили гибель студента следствием несчастного случая [Расовые манифестации 1963]. 21 декабря та же версия была повторена газетой «Правда» и центральными газетами страны. При этом многочисленные статьи о состоявшейся в Москве манифестации, появившиеся в западной прессе, были расценены как «злонамеренная шумиха», ставившая своей целью очернить СССР в глазах потенциальных студентов из Африки и Азии:

В последние дни многие буржуазные газеты Запада, как по команде, опубликовали клеветнические статьи о положении африканских студентов, обучающихся в Советском Союзе.

Реакционные круги Запада, стремящиеся помешать подготовке национальных кадров для молодых государств Африки и Азии, распространяют нелепые сообщения о якобы «недружественном

отношении» со стороны советских людей к этим студентам. На этот раз поводом к клеветнической кампании эти круги пытаются использовать несчастный случай, произошедший на днях с одним студентом из Ганы. <...>

Эдмондо Ассаре-Аддо, обучавшийся в Калининском медицинском институте, замерз в нетрезвом состоянии. Его труп был обнаружен ранним утром у дороги, недалеко от Москвы. <...>

Этот несчастный случай кое-кто пытается использовать в явно недобрых целях, рассчитывая путем подстрекательства вызвать возбуждение среди ганских студентов, в искаженном свете представить их учебу и жизнь в нашей стране [Об одной злонамеренной шумихе 1963].

Социальная повседневность последующих десятилетий существования СССР внесла коррективы в пропагандистские лозунги, вменявшие советским гражданам чувства пролетарского интернационализма, а чернокожим гостям страны — ответную благодарность гостеприимной к ним стране. В тиражировании уже сложившихся штампов о советско-африканской дружбе и борьбе с расизмом и колониализмом идеологическая культура остается последовательна и далее: обществоведы клеймят расовую дискриминацию в странах Запада и США, апартеид в Южной Африке [Нет! — расизму 1969; Расизм — идеология империализма 1973; Перло 1978; Губин 1979; Современный расизм 1985]; документальная хроника, предвещающая показ художественных фильмов в кинотеатрах, показывает негров, слушающих русские народные песни, напоминает о сборищах куклуксклановцев¹, рапортует об укреплении связей с африканскими странами; фабрики детской игрушки мастерят кукол-негрятят (среди любимых мультфильмов детей конца 1960-х — 1970-х гг. — «Каникулы Бонифация» Федора Хитрука — о цирковом льве, отправляющемся к бабушке в Африку и развлекающем там чернокожих малышей)², а в декоративном украшении городских зданий продолжают появляться фигуры темнокожих друзей СССР.

К началу 1970-х гг. политическое и экономическое сотрудничество СССР со странами Африки обретет не только практическое, но и теоретическое обоснование: В развитие марксистских положений о стадийной смене общественно-экономических формаций советские африканисты «научно» закрепят

¹ См., например, документальные фильмы «Рассказать о Москве» (1973) реж. И. Гутмана, «Третьего не дано» (1979) реж. Л. Тусеевой.

² «Каникулы Бонифация» М.С. Хитрука удостоились нескольких призов международных анимационных фестивалей, а по самому мультфильму была выпущена серия цветных открыток (Московским издательством «Бюро пропаганды советского киноискусства») тиражом 300 тыс. экз. Цена набора — 60 коп.

вывод о том, что в условиях, когда в мире уже образовалась такая общественная формация, как социализм, в мире нет объективных условий для возникновения и развития предшествовавшего социализму капиталистического общества. Докapиталистические африканские общества смогут прийти к социализму, «перепрыгнув» через капитализм, и Советский Союз будет им опорой в этом прыжке. Главную роль в обосновании этого новаторского тезиса сыграл член.-корр. АН СССР В.Г. Солодовников [Солодовников 1970: 131; 1973].

Чернокожие строители будущего социализма становятся все более привычными гостями советских городов. В начале 1980-х гг. количество африканских студентов в СССР исчисляется уже десятками тысяч [Тункара 2009: 98], но при этом некогда экзотический и вместе с тем достаточно абстрактный образ негра, каким он рисовался в дискурсе советской культуры 1930–1950-х гг., стремительно «обытовляется». Уже в кинокомедии Леонида Гайдая «Операция Ы и другие приключения Шурика» (1965), побившей все рекорды кинопроката (69,6 млн зрителей), появление негра вызывало не слишком толерантный хохот: в одной из сцен фильма в образе чернокожего дикаря, потрясающего боевым копьем и с бусами на шее, предстал хулиган Федя (в исполнении Алексея Смирнова), пробежавший нагишом через облако сажи под звучание устрашающего «каннибалического» саундтрека. А тщетно наставляющий Федю прораб монтажно-строительного управления (Михаил Пуговкин), ораторствовавший пропагандистскими цитатами, был в том же фильме обладателем пробкового «колониального» шлема, о чем он здесь же и заявлял: «Подарок из Африки». Сам эпизод с «негром» Федей заканчивается тем, что чумазый дебошир оказывается замотанным в рулон обоев, а студент Шурик сечет его по мягкому месту, приговаривая: «Надо, Федя! Надо!»

В начале 1970-х гг. одной из медиафигур советской пропаганды стала чернокожая американка Анджела Дэвис — правозащитник и деятель коммунистического движения. Арестованная в 1970 г. за соучастие в убийстве и просидевшая полтора года в американской тюрьме, Дэвис дала жизнь лозунгу, не сходявшему со страниц советской прессы: «Свободу Анджеле Дэвис» [Дэвис 1978].

Но характерно, что призванный выступать символом борьбы против расизма и американского империализма пропагандистский образ Дэвис уже сопутствовал снижающей его фольклорной традиции, сделавшей ее героиней скабрёзных и не слишком политкорректных анекдотов.

В городском фольклоре Москвы комплекс зданий Университета дружбы народов им. Лумумбы, прозванный окрестными

жителями Черноградом и Лумумбарием, из образцового центра молодежного интернационализма становился топонимическим объектом расистских высказываний. Имя конголезского премьер-министра обыгрывалось в песенном репертуаре студенческих экспедиций также в не слишком уважительном к его памяти контексте:

*Есть в Африке Конго,
Есть в Африке Конго,
Есть в Африке Конго, такая страна <...>
Жил в Конго Лумумба,
Жил в Конго Лумумба,
В Катанге Лумумба правителем был.*

*Но злобный Мобута,
Но злобный Мобута,
Но злобный Мобута Лумумбу убил.*

*Убили Лумумбу,
Убили Лумумбу,
Сожрали Лумумбу — осталась берцовая кость*

[Белецкий 2000].

*Погиб-убит герой Патрис Лумумба,
И Конго без него осиротела.
Его жена, красавица Полина
С другим женщиной жить не захотела.*

*Его убил злодей народа Чомбе,
Даг Хаммаршельд послал его на дело.
И эта весть мгновенно, словно бомба,
Весь шар земной уже перелетела.*

*Был митинг на Заводе Лихачева
И на заводе «Красный пролетарий».
— Позор тебе, злодей народа чомбо,
И кореш твой, Мобуту с черной харей!¹*

К концу 1980-х гг. образ негра в лучшем случае предстает обыденной приметой советской повседневности. В глазах «простого советского человека» предперестроечных лет Африка теряет былую экзотичность и социальную привлекательность (см., впрочем: [Эменка 2008]). Расхожим становится представление о том, что чернокожие студенты — попрошайки и спекулянты,

¹ Расшифровка фонограммы Алексея Козлова, альбом «Пионерские блатные 2», ТОО «Московские окна ЛТД», 1998. По свидетельству Козлова (телепередача «В нашу гавань заходили корабли» 28 сентября 2008 г.), эта песня была записана его знакомой в электричке Москва — Мытищи. Поется на мотив «Албанского танго» (музыка Баки Конголи) <<http://a-pesni.org/dvor/patrislumumba.php>>.

имеющие возможность с выгодой ездить за рубеж. Их винят и в том, что они непристойно ухаживают за белыми девушками.

Обытовляется и образ своих, «советских» негров («детей фестиваля») — подросткового поколения тех, кто родился в этнически смешанных семьях. В знаковых для времени перестройки фильмах «Асса» Сергея Соловьева (1987) и «Маленькая Вера» Василия Пичула (1988) показаны как раз такие типажи. В «Ассе» это друг Бананана (в исполнении Сергея Бугаева, известного под псевдонимом «Африка») — негр Витя, напевающий песни Бобби Дарина и Стинга. В «Маленькой Вере» это чернокожий брат Лены Чистяковой, которого зритель видит у телевизора, смотрящим мультфильм «Доктор Айболит» (1984, реж. Давид Черкасский) и слушающим устрашающую песенку пиратов: «Не ходите, дети, в Африку гулять».

Итоги национальной политики СССР, выстраивавшей идеологические миражи дружбы народов, продемонстрировали в 1990-х гг., насколько загнанными вглубь были проблемы, которые требовали своего решения на протяжении предшествовавших десятилетий. Роль, отводившаяся в этой политике советско-негритянской дружбе, предстает замечательным приемом демагогического самоубеждения, компенсировавшего недостатки политических решений национального вопроса внутри страны. История действительных, а не мнимых контактов негров и белых в СССР, продемонстрировала в общем идеологические закономерности любой национальной политики, которая апеллирует не к необходимому и достаточному, а к воображаемому и желаемому. Эффективность риторической компенсации поддерживалась отсутствием негритянской диаспоры в СССР, а появление таковой ознаменовалось крушением интернациональных абстракций. Символическим завершением этого крушения можно считать песню группы «Запрещенные барабанщики», получившую исключительную популярность в 1999 г. и сохранявшую ее на протяжении ряда последующих лет.

*Мертвая змея не шипит,
Не щебечет дохлый щегол.
Мертвый негр не идет играть в баскетбол,
Только мертвый негр
Не идет играть в баскетбол.*

*Ай-я я-я-я я-я-я
Убили негра,
Убили негра, убили
Я-я-я
Ни за что, ни про что,
Суки, замочили.*

Вопреки намерениям авторов этой песни, им быстро пришлось убедиться в неадекватности ее восприятия стремительно разросшейся «странной и пугающей» аудиторией, как охарактеризует ее один из музыкантов¹. Так, запоминающийся припев зловеще предвосхитил активизацию националистических и расистских настроений постперестроечной России, в которой проявление расизма и этнической нетерпимости стало уже определенным фактором социальной действительности.

Библиография

- Аверинцев С.В.* По побережью Черного континента. СПб.: Природа, 1912.
- Аверченко А.Т.* Кривые углы. Рассказы. М.: Советский писатель, 1989.
- Адибеков Г.М.* Красный интернационал профсоюзов. М.: Профиздат, 1971.
- Байтин М.И., Пугачев В.В.* Политические идеи Андрея Лоцманова // Ученые записки Саратовского юридического института им. Д.И. Курского. 1960. Вып. 9. С. 76–91.
- Басманов М.И.* Пролетарский социалистический интернационализм. Традиции, современный опыт, творческое развитие. М.: Мысль, 1978.
- Беккер М.* Прогрессивная негритянская литература США. Л.: Советский писатель, 1957.
- Белецкий С.В.* Заметки к истории песен в археологических экспедициях. Песни Псковской экспедиции Эрмитажа // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций / Сост. С.В. Белецкий. СПб., 2000. <<http://folklore.archaeology.ru/ONLINE/belezkiy.html>>.
- Беляев А.* Под небом Арктики / Рис. Г.П. Фитингофа // В бой за технику! 1938. № 4–7; 9–12; 1939. № 1, 2, 4. <<http://bookmate.com/books/BLv13to1>>.
- Бромлей Ю.В.* Братское сотрудничество народов Советского Союза — интернационализм в действии. М.: Наука, 1978.
- Букалов А.* Пушкинская Африка: по следам «Романа о царском арапе». СПб.: Алетейя, 2006.
- Вальмонт де Бомар Ж.К.* Физиология или Естественная история о человеке, касательно его зачатия. Для пользы российского юношества трудами и иждивением Нестора Максимовича-Амбодика. СПб.: Тип. Имп. АН, 1787.
- Вальская Б.А.* Вклад Русского географического общества в изучение Африки. М.: Наука, 1969.

¹ «Потом, когда появилась надутая, шумная популярность с известной песней, наша аудитория расширилась, стала странной и пугающей. <...> В то время — конец 90-х — игра с этим была эпатажна. Поэтому и люди к нам приходили иногда совсем неадекватные и настолько неприятные, что было желание бросить все это» (Интервью Виктора Пивторыпабло «Новой газете», 2007 г. <<http://old.novayagazeta.ru/data/2007/24/30.html>>). История песни подробно изложена в статье «Убили негра» в Википедии.

- Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009.
- Вегнер М.О.* Предки Пушкина // Род и предки А.С. Пушкина. М.: Советский писатель, 1995.
- Второй всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года: Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1956.
- Галанов Б.* Книжка про книжки. М.: Детская литература, 1970.
- Гнамманку Д.* Абрам Ганнибал: черный предок Пушкина. М.: Молодая гвардия, 1999.
- Год тридцать седьмой. Альманах. М.: Литературная газета, 1954. Т. 16.
- Гончаров В.* Стихи. М.: Молодая гвардия, 1951.
- Губин В.Ф.* Расовая дискриминация — реакционная сущность и международная противоправность. М.: Наука, 1979.
- Давидсон А.Б.* Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука, 1992.
- Давидсон А.Б.* СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. М.: ИВИ РАН, 2002.
- Демиденко А.И.* Расизм на службе империализма. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1954.
- Джексон Т.* Страна алмазов и рабов. М.: ЦК МОПР СССР, 1932.
- Дэвис А.* Автобиография. М.: Прогресс, 1978.
- Елисеев А.В.* По белу свету. СПб.: РГО, 1903.
- Забродская М.П.* Русские путешественники в Африке. М.: Географгиз, 1955.
- Здравствуйте! Мы — из двухлетки / Отв. ред. А.А. Агапов. Л.: Государственное изд-во детской литературы, 1962.
- Зилов Л.* Май и Октябрина / Рисунки Вл. Орлова. М.: Мосполиграф, 1924.
- Златопольский Д.Л.* Образование и развитие СССР как союзного государства. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954.
- Зусманович А.З., Потехин И., Джексон Т.* Принудительный труд и профдвижение в негритянской Африке. М.: Профиздат, 1933.
- Иванов Вяч.Вс.* Два образа Африки в русской литературе начала XX века: Африканские стихи Гумилева и «Ка» Хлебникова // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. С. 287–325.
- Иголкина Д.И.* Роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» в русской критике и литературоведении // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 8 (98). С. 57–59.
- Ильин Я.* Большой конвейер. М.: Молодая гвардия, 1934.
- Ильф И., Петров Е.* Собрание сочинений: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 4. Как будто из Чехова // Утро России. 1909, 26 ноября.
- Ким М.П.* Советский народ — новая историческая общность людей: становление и развитие. М.: Наука, 1975.
- Ковалевский Е.П.* Путешествие во Внутреннюю Африку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1849.

- Ковалов О.* Америка в зеркале советского кино // Искусство кино. 2003. № 10. С. 85.
- Кошевская Н.В.* Марков (В.И. Матвей) и его книга «Искусство негров» // Страны и народы Востока. 1969. Вып. 9. С. 261–267.
- Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы / Сост. К.М. Андерсон, Л.В. Максименков, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005.
- Лебедев Н.А.* Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 годы. М.: Искусство, 1965. <<http://www.bibliotekar.ru/kino/13.htm>>.
- Лоунсбери Э.* «Кровно связанный с расой»: Пушкин в афро-американском контексте // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 229–251.
- Лурье Ф.* Абрам Ганнибал. Африканский прадед русского гения. СПб.: Вита Нова, 2012.
- Маккей К.* Судом Линча. Рассказы о жизни негров в Северной Америке / Пер. А.М. и П. Охрименко. М.: Огонек, 1925.
- Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция. 1919–1943 / Пер. с англ. Г.Г. Петровой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008.
- Марков В.* Искусство негров. Петроград: Издание Отдела изобразительных искусств народного комиссариата по просвещению, 1919.
- Матюшкин Н.И.* Патриотизм и интернационализм советского народа. Исторический опыт и современная деятельность КПСС. М.: Изд-во МГУ, 1975.
- Минченков Я.Д.* Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1961.
- Моран Р.* Роман негра. Л.: Госиздат, 1928.
- Некрасов Н.А.* Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1967. Т. 8.
- Нет! — расизму. Расизм в странах «свободного мира» и новый этап борьбы против него / Ред. А.В. Ефимов. М.: Наука, 1969.
- Нкрума К.* Автобиография. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
- Об одной злонамеренной шумихе в буржуазной прессе // Правда. 1963, 21 дек.
- Пастернак Б.* Полное собрание сочинений с приложениями: В 11 т. М.: Слово, 2004. Т. 3.
- Пачулия В.П.* В краю золотого руна. М.: Наука, 1968.
- Перло В.* Расизм в экономике США. М.: Прогресс, 1978.
- Печатнов В.О.* От союза — к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО, 2006.
- Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820–1870. Л.: Academia, 1930. Т. 1.
- Полевой Б.* Поль Робсон (1958) // Полевой Б. Силуэты. М.: Советский писатель, 1978. <<http://maxima-library.org/component/maxlib/b/36648/read>>.

- Полян П.М.* Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М.: МФД, Материк, 2005.
- Поляновский М.* Виктория приходит в класс // Огонек. 1952, 7 сент. С. 9.
- Потехин И.И.* Гана сегодня. Дневник. 1957. М.: Гос. изд-во геогр. литературы, 1959.
- Потехин И.И.* Становление новой Ганы. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965.
- Прилежаева М.* С тобой товарищи. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1949. <<http://www.litmir.net/br/?b=155358>>.
- Прокофьев А.* Сочинения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2.
- Пуликовский А.* Учебник всеобщей географии. СПб.: А.А. Ильин, 1866.
- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 12. Критика. Автобиография. М.; Л.: Академия наук СССР, 1949.
- Пушкин о литературе. К столетию со дня гибели А.С. Пушкина. 1837–1937. Л.: Academia, 1937.
- Райт М.В.* Русские путешественники и ученые в Африке в XV — нач. XX в. М.: Географгиз, 1958.
- Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса: Сборник докладов конференции, состоявшейся 14–16.12.1971 года в Москве / Ред. П.Н. Федосеев. М.: Наука, 1973.
- Расовые манифестации в Москве // Русская Мысль (Париж). 1963, 21 дек.
- Рукавишников В.О.* Холодная война, холодный мир. М.: Академический проект, 2000.
- Рыкова Н.* Колониальная тематика в литературе на Западе // Литературная учеба. 1933. № 8. С. 42.
- Сборник материалов к изучению истории русской журналистики / Сост. В.Д. Кузьмина. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), Кафедра журналистики, 1952. Т. 1.
- Смирнов Р.* Люди, львы, орлы и куропатки. СПб.: Лимбус-Пресс, 2002.
- Смирнова В.В.* Самуил Яковлевич Маршак // Маршак С.Я. Стихотворения и поэмы. Л., 1973. (Библиотека поэта). С. 22.
- Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Т. 2. Звуковые фильмы (1930–1957). М.: Искусство, 1961.
- Современный расизм как он есть / Ред. Н.Ф. Ножнова, Ю.С. Оганисян. М.: Политиздат, 1985.
- Сокольский М.* О джазе // Советское искусство. 1952, 16 февр. <http://retrofonoteka.ru/zal/o_djaze.htm>.
- Солодовников В.Г.* Африка выбирает путь. М.: Наука, 1970.
- Солодовников В.Г.* Проблемы современной Африки. М.: Наука, 1973.
- Становление отечественной африканистики, 1920-е — начало 1960-х / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 2003.
- Станюкович К.М.* Вокруг света на «Коршуне». Сцены из морской жизни. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1953.

- Трескин Н.* [Рец. на:] Учебник всеобщей географии. Составил Александр Пуликовский, в двух частях. СПб., 1866 // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 135. С. 839.
- Троицкий В.В.* Поездка в Центральную Африку в 1912–1914 гг. // Ежегодник Зоомузея Акад. наук. 1915. Т. 20.
- Тункара А.* Африканское сообщество в Санкт-Петербурге // Африканский сборник — 2009. СПб., 2009. С. 97–101.
- Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999.
- Шагинян М.С.* Дневники. 1917–1931. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932.
- Шертобитов В.П.* Интернационализм советского народа. История и современность. М.: Наука, 1982.
- Шитов Н.Ф.* В.И. Ленин и пролетарский интернационализм: (1917–1924 гг.). М.: Политиздат, 1974.
- Шолохов М.* Не уйти палачам от суда народов! Статьи. М.: Правда, 1950. № 41. (Библиотека «Огонек»).
- Эменка У. Ф.* Образ Африки в русском языковом сознании. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Юнкер В.В.* Путешествие в Центральную Африку в 1875–1878 гг.: Доклад на заседании Русского географического общества // Изв. РГО. 1879. Т. 15. Вып. 1–2.
- Africa and the Communist World / Ed. by Z. Brzezinski. Stanford: Stanford University Press, 1963. (Hoover Institution Publications).
- Baldwin K.A.* Beyond the Color Line and the Iron Curtain. Reading Encounters between Black and Red. 1922–1963. Duke: Duke University Press, 2002.
- Blakely A.* Russia and the Negro: Blacks in Russian History and Thought. Washington, DC: Howard University Press, 1986.
- Carew J.G.* Blacks, Reds, and Russians. Sojourners in Search of Soviet Promise. Rutgers: Rutgers University Press, 2008.
- Charles M.* The Soviet Union and Africa: The History of the Involvement. Lanham: University Press of America, 1980.
- Curtin P.D.* The Image of Africa: British Ideas and Action 1780–1850. L.: Macmillan, 1965.
- Dykes E.V.* The Negro in English Romantic Thought. Washington: Associated Publishers, 1942.
- Erickson A.J.* Red Summer // Encyclopedia of African-American Culture and History. N.Y.: Macmillan, 1960. P. 2293–2294.
- Fanouh-Siefer L.* Le mythe du nègre et de l'Afrique noire dans la littérature française (de 1800 à la 2e guerre mondiale). P.: Nouvelles éditions africaines, 1980.
- Graziosi A.* Foreign Workers in Soviet Russia, 1920–1940: Their Experience and Their Legacy // International Labor and Working-Class History. 1988. No. 33. P. 35–59.

- Hoffman L.-F.* Le Nègre romantique: Personnage littéraire et obsession collective. P.: Payot, 1973.
- Hooker J.R.* Black Revolutionary: George Padmore's Path from Communism to Pan-Africanism. L.: Pall Mall Press, 1967.
- Hughes L.* I Wonder as I Wander: An Autobiographical Journey. N.Y.: Paw Prints, 2008.
- Hughes L.* A Negro Looks at Soviet Central Asia. Moscow: Co-Operative Publishing Society of Foreign Workers in the U.S.S.R., 1934.
- Keys B.* An African-American Worker in Stalin's Soviet Union: Race and the Soviet Experiment in International Perspective // *The Historian*. 2009, March. Vol. 71. P. 31–54.
- Kolchin P.* Unfree Labor. American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. 1987.
- Lebel R.* L'Afrique Occidentale dans la littérature française. P.: Larose, 1925.
- Lively A.* Masks. Blackness, Race and the Imagination. L.: Chatto & Windus, 1998.
- Lorimer D.A.* Colour, Class and the Victorians: English Attitudes to the Negro in the Mid-Nineteenth Century. Leicester: Leicester University Press, 1978.
- Mackay J.* True Songs of Freedom: Uncle Tom's Cabin in Russian Culture and Society. Madison: The University of Wisconsin Press, 2013.
- Margulies S.R.* The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924–1937. Madison: University of Wisconsin Press, 1968.
- Matusevich M.* Africa in Russia, Russia in Africa: Three Centuries of Encounters. Trenton, NJ; Asmara: Africa World Press, 2007.
- Matusevich M.* No Easy Row for a Russian Hoe. Ideology and Pragmatism in Nigerian Soviet Relations, 1960–1990. Trenton, NJ; Asmara: Africa World Press, 2003.
- McKay C.* Soviet Russia and the Negro // *The Crisis*. 1923, December. Pt. 1. P. 61–65.
- McWhirter C.* Red Summer: The Summer of 1919 and the Awakening of Black America. N.Y.: Henry Holt & Co., 2011.
- Natufe O.* Igho. Soviet Policy in Africa: From Lenin to Brezhnev. Bloomington: iUniverse, Inc., 2011.
- Peterson D.E.* Up from Bondage: The Literatures of Russian and African American Soul. Durham; L.: Duke University Press, 2000.
- Robeson P.* Here I Stand. L.: Dennis Dobson, 1958.
- Robeson P.* The Negro People and the Soviet Union. N.Y.: New Century Publishers, 1950.
- Robinson R.* Black on Red: My 44 Years Inside the Soviet Union. N.Y.: Acropolis Books Inc., 1988.
- Roman M.L.* Opposing Jim Crow: African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937. Nebraska: University of Nebraska Press, 2012.

- Soviet Nationality Policies: Ruling Ethnic Groups in the USSR / Ed. by H.R. Huttenbach. L.: Mansell, 1990.
- Starr S.F.* Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union. N.Y.: Lime-light, 1994.
- Stevens C.* The Soviet Union and Black Africa. N.Y.: Holmes & Meier Publishers, 1976.
- The Image of the Black in Western Art. Vol. 4. Pt. 1. Slaves and liberators / Ed. H. Honour. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.
- The Image of the Black in Western Art. Vol. 4. Pt. 2. From the American Revolution to World War 1. Black Models and White Myth / Ed. David Bindman. N.Y.: Belknap Press; New edition, 2012.
- Tillery T.* Claude McKay: A Black Poet's Struggle for Identity. Boston: University of Massachusetts Press, 1992.
- Trewhela P.* The Death of Albert Nzula and the Silence of George Padmore // Searchlight South Africa. 1988. Vol. 1. No. 1. P. 64–69.
- Tuttle W.M.* Race Riot. Chicago in the Red Summer of 1919. Chicago: University of Illinois Press, 1970.
- Under the Sky of My Africa. Alexander Pushkin and Blackness / Ed. by C.T. Nepomnyashchy, N. Svobodny and L.A. Trigos. Evanston: Northwestern University Press, 2006.
- Weiss H.* Framing a Radical African Atlantic. African American Agency, West African Intellectuals and the International Trade Union Committee of Negro Workers. Brill: Brill Academic Pub., 2010.
- Whitaker R.* On the Laps of Gods: The Red Summer of 1919 and the Struggle for Justice that Remade a Nation. N.Y.: Random House, 2008.